

К. Р. Муртазина

Структурно-функциональная характеристика антропонимов в текстовом поле кавалерист-девицы Н.А. Дуровой

В данной статье представлен структурно-функциональный анализ антропонимических единиц художественного пространства Н.А. Дуровой; выявлено множество вариантов имянаречения героев с однословной, двусловной и трехсловной антропонимической комбинацией; определены функциональные значения некоторых моделей поэтонимов.

Ключевые слова: «имя в тексте», антропоним, антропонимические модели и комбинации

Structural-functional characteristics of anthroponyms in the text field of cavalrygirl N.Durova.

Structural-functional analysis of anthroponymical units of N.Durova's art space is given in this article. Variety of heros' naming with one-word, two-words, three-words anthroponymical combination is revealed. Functional meaning of some poetonyms' models are defined.

Keywords: «the proper name in the text», anthroponym, anthroponymical models and combinations.

Несправедливо забытое творчество кавалерист-девицы Надежды Андреевны Дуровой, легендарной женщины, ординарца фельдмаршала М.И. Кутузова, в последнее время начинает привлекать к себе интерес многих исследователей (историков, культурологов, литературоведов, психологов). В рамках научного проекта «Функционирование языковых категорий и единиц в текстовом поле «елабужских» авторов» в ЕГПУ ведутся лингвистические исследования, одним из векторов которых является тема «Онимы в произведениях авторов, имена которых связаны с г. Елабугой». В связи с этим предметом нашего языкового анализа представилось антропонимическое поле художественных текстов Н.А. Дуровой в структурно-функциональном аспекте.

Антропонимикон художественного произведения отражает не только состав, но и особенности национального именника. Структурная организация ономастического поля произведения формируется по характерным языку моделям, то есть при структурном анализе поэтонимов необходимо учитывать содержание реального антропонимикона. Не стоит забывать, что «писатель может видоизменять ономастические модели, по-своему интерпретировать

ономастические нормы, но обычно он не нарушает принципа узнаваемости. Ведь имена персонажей и названия географических объектов в художественном произведении соотносят его действие с определенным местом (страной, языком), временем, социальной средой. И писатель поэтому не может не считаться с определенными ономастическими нормами» [8. С. 35].

В связи с этим необходимо вспомнить традиции именования конкретного периода в диахроническом аспекте. Для этого обратимся к истории русской антропонимики. В.Д. Бондалетов выделяет четыре основных этапа:

1. С древнейшей поры до конца X в.;
2. С XI по XVII в.;
3. С начала XVIII в. до 1917 г.;
4. Советский период (с 1917 г. по настоящее время).

Все произведения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой датируются первой половиной XIX века. По классификации В.Д. Бондалетова творчество писательницы приходится на середину третьего этапа русской антропонимии. Это «период монопольного господства канонических имен, окончательного складывания и широкого распространения на все слои общества трехчленной формулы именования человека; это национальный досоциалистический период в истории русской антропонимии» [1. С. 96-97].

Антропонимическое поле Надежды Андреевны (подчеркнем, что материалом исследования являются произведения «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», «Граф Мавриций», «Добавление к Кавалерист-девице», «Записки кавалерист-девицы», «Клад», «Нурмека. Происшествие в царствование Иоанна Грозного после покорения Казани», «Павильон», «Серный ключ», «Угол», «Ярчук – собака духовидец») репрезентировано однословной (имя, фамилия, отчество, прозвище), двусловной (имя+имя, имя+фамилия, имя+отчество) и трёхсловной (имя+отчество+фамилия) структурной системой номинации. Наиболее распространенной моделью имянаречения в произведениях Н.А. Дуровой является одночленная конструкция.

Однословные антропонимы произведений Н.А. Дуровой формируют целую систему и представлены четырьмя группами: личные имена, фамилии, отчества и прозвища, среди которых наиболее многочисленными являются личные и фамильные номинативные знаки.

1. В первую очередь нашему анализу подверглись личные имена собственные. «Фамилия – явление позднейшей исторической эпохи, в то время как личное имя являлось в любые времена человеческого существования первейшим средством номинации», – пишет

В.Н. Михайлов [9. С. 40]. Добавим, что замечание ученого распространяется на антропонимы художественных текстов.

Зафиксированные единицы переданы несколькими вариантами имен: официальное, гипокористическое и квалитативное. Например, в повести «Угол» Н.А. Дурова образ *Матрены Филипповны Федуловой* изображает тремя вариантами личного имени: «**Матрёна** нахмурилась; в последних словах её мужа было нечто такое, чего она не могла покойно слушать», «Здравствуй, **Матрёша!**» «Ну, прости ж меня, **Матрёшенька**, друг мой, мир!» [2. С. 81,80, 80].

Квалитативные имена в отличие от официальных и гипокористических наименований передают любую субъективную оценку, в том числе аугментативное (увеличительно-устрашающий оттенок), деминутивное (ласкательно-уменьшительный оттенок) и пейоративное (пренебрежительно-уничижительный оттенок) значения. Уместно учитывать мнение Н.В. Подольской о том, что «субъективность оценки выявляется в соответствующем контексте и не всегда зависит от суффиксации», так как каждый поэтоним несет свою стилистическую функцию, поэтому не следует квалитативные имена собственные классифицировать только по аффиксам [11. С. 73]. Так деминутивные формы личных имен в повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» наделены определенным стилистическим смыслом: «*Лидин счастливейший человек в мире! Он пьет дорогое вино, вихрем носится по уезду на тройке огненных коней с дюжиною валдайских колокольчиков у дуги; заезжает на перепутье то к **Машеньке**, то к **Дашеньке**, то к **Любочке**, то к **Сонечке**; то к двадцати другим, разных названий, сиренам!*» [7. С. 326]. Из контекста видно, что эти имена имеют обобщенный характер, которые в большей степени раскрывают образ Лидина. Имена с суффиксами -еньк, -очк, -ечк уменьшительно-ласкательного значения в данной конкретном дискурсе определяются как средство выражения авторской насмешки.

Формы личных имен в произведениях Надежды Андреевны имеют действующие лица, которые отличны от всего числа героев возрастными и социальными характеристиками, а также авторскими симпатиями к персонажу. Имена детей оформлены гипокористически («*Где ж твоя маменька, **Володя?***», «***Петя! Петя**, - кричал он сыну, - что у нас завтра на театре?*») и квалитативно («*Её **Людмилочка** была очень тиха, имела редкое качество в детях – никогда ни от чего не плакать, разве сильно уже болело что-нибудь у неё...*», «*Почему ж, **Петруша**, с тобой и со мной нет никакой беды?*») [7. С. 38, 405; 2. С. 143; 14. С. 43]. Эти формы имен наполнены нежностью и любовью, в чем прослеживается авторское расположение к детям.

Социальное неравенство того времени ярко отражалось в

антропонимической системе именования. Обращение привилегированных слоев общества к низшим было только по имени, а часто и в пренебрежительной форме. Примеры таких грубовато-фамильярных отношений зафиксированы на страницах произведений у Н.А. Дуровой в репликах персонажей: *«Поезжай, **Терешка**, у тебя есть кони дома», «Как вижу, *ton frere*, красноречие Цицерона ничто против витиеватого слога вашего **Тишки!**»* [7. С. 396, 414]. Но отметим, что антропонимическое поле кавалерист-девицы насыщено и полными формами личных имен крестьян: *«Я тотчас узнала, что это спрашивала **Наталья**, матушкина горничная», «Итак, старый **Трофим** рассказал батюшке вчерашнее происшествие, удивившее и до смерти напугавшее всех наших служителей»* [7. С. 102; 14. С. 48].

В некоторых примерах писательница употребляет гипокористическую форму обращения по отношению к главным героям, чтобы показать свою благосклонность к персонажу, или же этого требует контекст. *«Вопль Маши заставил графа и **Фанничку** бежать опрометью в диванную», «Но слезы нежного друга, его **Лютгардочки**, были заразительны!»* [2. С. 102; 3. С. 379].

В привилегированном обществе XIX века встречаются примеры, когда «русские имена дублировались соответствующими или созвучными французскими, немецкими и пр.: Петр – Пьер, Иван – Жан, Владимир – Вольдемар, Зинаида – Зизи и др. /особенно – среди дворянства, претендовавшего на «благородство» происхождения, в отличие от «низших» сословий...» [9. С. 39]. Подобные примеры встречаются в повести «Угол». *Георг Тревильский* в высшем свете именуется как *Жорж*, а дочь купца Федулова – *Фетинья* – после замужества меняет имя на *Фанни*, что ознаменовано сословным переходом героини из купечества во дворянство: *«...перед нею рисовалась уже прелестнейшая пара из всего бала: **Георг** и **Фетинья**», «**Жорж** поднял свою **Фанни**»* [2. С. 119, 144]. Негативная оценка этому явлению выражается в реплике мещанки Степаниды Прохоровны: *«Старуха бормотала про себя: «**Фанничка!** **Фанничка!** Охота переименовать христианское имя на бог знает какое!»* [2. С. 142].

Н.А. Дурова предстает перед нами как автор, выделяющаяся толерантностью и особым почтением к разным национальностям. В этническом поле рассматриваемых произведений представлены татары («Записки кавалерист-девицы», «Клад», «Нурмека. Происшествие в царствование Иоанна Грозного после покорения Казани», «Павильон») и марийцы («Серный ключ»). История антропонимики малых наций сходна с русской: первыми приобретали фамилии наиболее богатые и знатные представители рода, а к XX веку остальная часть народа получила фамилии. Так, в «Записках кавалерист-девицы» губернатор Казани

представлен фамильной номинацией: «*Я тотчас поехала к губернатору. Почтенный Мансуров начал разговор свой благодарностью за мое благоразумие в отношении к нескромным расспросам*» [7. С. 193]. Марийские и татарские антропонимические единицы, зафиксированные в ономастическом пространстве писательницы, описаны в форме личного имени, так как являются представителями крестьянского класса. «*Да, добрый Кочкай не видаль ли ты их?*», «*Кизбекъ жива! Нурмека дома!*», «*Вот, - сказал Хамитулла, вдруг останавливаясь и останавливая меня, - вот, Якуб, моя бедная Зугра!..*», «*В начале той самой весны, когда Дукмор был выбран в пастухи, Зеиле минуло шестнадцать лет*» [4. С. 226; 5. С. 59; 7. С. 201, 376]. Следует отметить, что личные имена данных этносов встречаются только в официальной форме, без гипокористических и квалитативных вариантов имянаречения.

Субъект способен быть узнаваем при наличии только личного имени даже спустя века, если это имя подкреплено историческим значением. По этому поводу В.Н. Михайлов пишет: «если становится широко известной в обществе какая-либо личность, то принадлежащее ей собственное имя /фамилия, прозвище, псевдоним, личное имя или сочетание их/ приобретает свойство, которое мы назовем суггестивности, т.е. способность указывать на известное содержание, событие, комплекс идей и т.д., связанные с носителем; быть символом определенной личности /например имена собственные исторических лиц: Петр I, Мазепа, Наполеон, Пушкин, Цезарь, Брут, Гоголь, Щедрин, М.Горький, Ленин и др./» [9. С. 52]. Так, на общем антропонимическом фоне произведения «Записки кавалерист-девицы» выделяются имена русских правителей – *Петр, Александр, Екатерина* персонажи для читателя узнаваемые и знакомые. «*Петербург. Вот наша светлая, чистая, великолепная столица! памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости бессмертного Петра!*», «*Император Александр приказал мне писать к нему обо всем, в чем буду иметь надобность, через графа Ливена*», «*... я одна, без всякой прислуги, живу в доме старого отставного гвардии сержанта, который с утра до вечера рассказывает мне анекдоты своей молодости и службу при Екатерине*» [7. С. 79, 93, 132]. Автор воспеваает императоров России, с уважением и величием, особым пиететом описывает этих персонажей.

Некоторые антропонимы реальных лиц с однословной структурой введены в поле произведения в качестве сравнения: «*Худо вы его знаете, если так думаете; это Крамес, который хвалится своим цинизмом*», «*Вино явилось, и довольный хозяин говорил, что у самого Лукулла никогда не бывало такой рыбы на его роскошных пирах*» [7. С. 368, 371]. Включение в художественное поле подобных единиц указывает на широкий кругозор писательницы. На страницах произведений

кавалерист-девицы очень часто упоминаются имена реально-исторических личностей: *Цицерон, Крез, Пифагор, Фидий, Соломон* и др.

2. Все произведения Надежды Андреевны написаны до отмены крепостного права. «Закончив в 1840 году издание повестей, Дурова навсегда отказалась от литературной деятельности. В течение двадцати шести последующих лет она не написала ни строчки» [13. С. 44]. Вспомним, что крестьяне начинают получать фамилии после крепостной реформы. По мнению В.А. Никонова, становление фамилий князей, бояр, дворян и меньшинства горожан, т.е. малой доли населения страны, завершилось при правлении Петра I. Ученый намечает хронологические рамки формирования фамилий в разных социальных слоях страны: для княжеских и боярских фамилий – XIV – XVI вв., для дворянских – XV – XVII вв., для купеческих – в основном XVII – XIX вв., для крестьянских – XVIII – XIX вв. [10. С. 91-92]. Таким образом, во времена кавалерист-девицы фамилией обладает лишь привилегированное сословие (князья, дворяне, купцы).

Фамилия – это официальное имя человека, зафиксированное в документах и обозначающее принадлежность к определенному роду. В обществе XIX века именно фамилия является строго официальной формой идентификации героев знатного круга на светских раутах, в военных действиях, в домашней обстановке, потому что так велел этикет того времени. Абсолютно полярные формы жизни общества как «мир» и «война» были неизбежны в те периоды. Это четко и эксплицировано в произведениях Н.А. Дуровой. Фамильный способ именования использован кавалерист-девицей как в репликах героев, так и в повествовании автора. Частотное употребление фамилий оправдано стилистически и функционально. Фамилии в художественном поле автора используются в двух функциях:

– обращение: «*Что мне в том, **Вышемирский**, что дядя и тетка твои так занимались мною, зато сестра твоя ни разу не взглянула на меня...*», «*Ты делаешь глупости, **Дуров!***», «***Александров!** Вы ли это появились снова в наших местах?»* [7. С. 61, 70, 402];

– повествование: «*Я не всех знаю: но вот из знакомых: два брата **Лелевых**; конногвардеец **Рагоцкий**; лейб-гусары: **Верхоглядов, Мазовецкий, Сербичский** и **Урбанович**», «*У нас новый главнокомандующий: **Бурого**, я спешила возвратиться в полк...*», «*Теперь я могу еще забыть пятнадцать лет, забыть и радостно пройти по дачам **Раля**, княгини **Вяземской, Нарышкиной**, с восторгом прочесть знакомые надписи, отыскать между ними свои и так многое припомнить»* [2. С. 67; 7. С. 176, 401]. Таким образом, во времена Надежды Андреевны Дуровой основной антропонимической единицей отождествления лиц знатного круга*

является фамилия.

Многие произведения Н.А. Дуровой основаны на исторических, автобиографических данных, поэтому в художественный текст включена целая галерея реальных имен. Подлинность данных антропонимов подтверждается историческими и архивными документами. «Записки» Надежды Андреевны «представляют собою как бы отблеск войны 1812 года, мелькнувший, по воле автора, в литературе тридцатых годов. Они содержат красочные характеристики деятелей Отечественной войны (Кутузов, Ермолов, Коновницын), рисуют состояние и боевую жизнь русской легкой кавалерии (гусары, уланы, казаки) – на маневрах и зимних квартирах, в походах, сражениях» [13. С. 24]. В повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» представлены имена таких реальных лиц, как писатель А.С. Пушкин, историк И.К. Кайданов, петербургский книгопродавец и издатель И.И. Глазунов. Включение в художественное поле подобных персонажей создает фон реальности и достоверности описываемых событий.

3. Прозвищные номинативные знаки в произведениях Н.А. Дуровой представлены небольшой группой. Прозвищное имя как дополнительное дается человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [11. С. 115]. В зависимости от происхождения единиц (семантическое свойство или фонетическое оформление) различают апеллятивные и ономастические прозвища. *«Георга любил он всею душою, и хотя позволял себе называть прекрасную Фетинью «Уголлино», но тем не менее признавал, что она милая, скромная девица, редкая красавица...», «Вообразите, - говорил Плахута всем нам, - вообразите, господа, мое удивление, когда я, обедая в Витебске, в трактире, вместе с одним молодым уланом, слышу после, что этот улан Амазонка, что она была во всех сражениях в Прусскую кампанию и что теперь едет в Петербург с флигель-адъютантом, которого царь наш нарочно послал за нею!»* [2. С. 84; 7. С. 117]. Прозвища Уголлино и Амазонка относятся к апеллятивному типу и образованы путем ассоциативных связей реальных героев с персонажами произведений Надежды Андреевны.

4. Единственной номинацией представлена антропонимическая модель «отчество». По-дружески обращается старая ключница Акулина к мещанке Степаниде Прохоровне: *« – То правда, матушка Прохоровна, что внука твоя красавица писаная, ну да и судьба ей будет по красоте...»* [2. С. 92].

5. Н.А. Дурова активно заимствует имена литературных героев из других произведений: *Ир* из «Одиссея» Гомера, *Домбидейкс* из романа «Эдинбургская темница» В. Скотта, *Клоринда*, *Армида* и *Танкред* из

поэмы «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, *Кемский* из романа Н.И. Греча «Черная женщина» и др. Прецедентные единицы выражены однословными антропонимическими сочетаниями «имя» и «фамилия». Заимствованные имена реализуют несколько функциональных значений: во-первых, указывают на образовательный уровень писателя в культурно-эстетической сфере (это значение осуществляется одновременно и при следующих значениях); во-вторых, выступают в качестве антропонимов-метафор: «*Перстень мой куплен, деньги я получила и отослала, написав ко всем письма одного содержания: вы почитаете меня Крезом, а я боюсь сделаться **Иром***»; в-третьих, играют роль сравнения: «*...эта лошадка подчас может и унести меня, как Лерда **Домбидейкса**, совершенно против воли...*» [7. С. 440, 408].

Таким образом, односоставные антропонимы представлены множеством моделей имянаречения, что характеризует Надежду Андреевну как писательницу, знающую правила, нормы, обычаи именования разных социальных пластов и этносов. «Дурова часто обращается к национальной теме, выступая в защиту угнетенных народов России, утверждая идею ценности человеческой личности: в повести «Серный ключ» рассказывает о глубоких чувствах черемисов Зеилы и Дукмора, в повести «Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани» создает героический образ татарской женщины Кизбек, в романе «Гудишки» с сочувствием изображает нищих литовских крестьян» [12]. В произведениях автобиографического плана доминируют фамилии, а в остальных – личные имена собственные. Это объясняется некоторыми факторами. В автобиографических произведениях («Записки кавалерист-девицы», «Добавление к Кавалерист-девице», «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения») описаны в большинстве своем герои дворянского сословия, в обществе которого нормой этикета считалось обращение по фамилии или имени-отчеству. В исследуемых текстах авторского творения («Нурмека. Происшествие в царствование Иоанна Грозного после покорения Казани», «Ярчук – собака духовидец», «Серный ключ», «Угол», «Клад», «Граф Мавриций», «Павильон») преобладают личные имена разных форм употребления, что говорит об отсутствии фамилий у персонажей, об отсутствии какой-либо конфиденциальности. То есть употребление тех или иных моделей продиктовано жанровыми особенностями произведения и замыслом автора.

6. Двусловные и трехсловные антропонимические комбинации текстового поля Надежды Андреевны образуют относительно небольшую группу в отличие от однословных сочетаний. Двучленная формула имянаречения представлена следующими типами: «имя+имя»,

«имя+фамилия» и «имя+отчество».

Выбор модели имянаречения представляется творческим процессом автора, но некоторые антропонимические комбинации кавалерист-девицы выступают в качестве примеров, когда структурный тон имен собственных продиктован сюжетом произведения. В повести «Клад» встречается антропонимическая модель «личное имя + личное имя»: *Рокселана-Ревекка, Ахмет-Вениамин/Вениамин-Ахмет, Ибрагим-Рувим/Рувим-Ибрагим, Зугра-Рахиль/Рахиль-Зугра*. Образование данной конструкции основано на слиянии двух этнических и религиозных культур: татарской и еврейской. «Его кровь, пылкая, огненная кровь Татарина смешалась теперь с кровью подлаго, презренного племени! Жидовка будет матерью внуков Гаметовых» [4. С. 182]. Примеры двойного имянаречения говорят о тонком авторском подходе к выбору имен, об уважении к представителям разных культур, что несомненно выделяет антропонимическое поле Н.А. Дуровой из ряда заурядных структурных сочетаний.

Структурные модели «имя+фамилия» имеют официальный оттенок и служат социальным идентификатором персонажа на страницах произведений: «*А граф Георг Тревильский?*», «*У Мартына Задеки означены дни счастливые и несчастные для всего, в том числе и для займов*», «*Это должен быть отец нашего товарища, Столбецкого Максимилиана*» [2. С. 84; 7. С. 392; 14. С. 36]. Зафиксирован вариант сочетания квалитативного имени с фамилией: «*Вот послушайте, как это было: вы знаете, что я очень дружна с Катенькой Александровичевой...*» [3. С. 118].

Антропонимические конструкции, основанные на сочетании личного имени и отчества, в текстах произведений изображают традиции русского именованья и речевого этикета, воссоздают реалистичную атмосферу общения конкретного социума. «*Полно смотреть-то на меня как на чудо, я все та же, давняя хозяйка твоя, мещанка Степанида Прохоровна*», «*Какую ж это новость, матушка Анисья Ивановна, хотите рассказать мне?*», «*Дай бог, чтоб Михаило Ларионович поскорее приехал и остановил нас...*», «*Как, вы еще здесь, Александр Андреевич?*», «*Давно были, Марфа Ивановна, у Палагеи Петровны?*» [2. С. 79; 5. С. 312; 7. С. 173, 392, 394].

7. Наименьшую группу представляет трехкомпонентная комбинация «имя+отчество+фамилия». Данное сочетание характерно для официально-делового и документально-канцелярского стиля, поэтому в диалоговых репликах и авторском повествовании малоупотребительны. Трехчленная модель выступает в функции полной идентификации. В группу входят следующие поэтонимы: *Александр Сергеевич Пушкин, Фетинья Федотовна Федулова, Федот Федулович Федулов, Матрена*

Филипповна Федулова. Полное употребление имени Пушкина в автобиографической повести говорит об уважении и признательности Н.А. Дуровой к писателю, а использование остальных примеров имеет противоположную функцию. Антропонимические комбинации повести «Угол», являющиеся авторским творчеством, усиливают экспрессию художественного текста. Вслед за С.И. Зининым мы полагаем, что «данные поэтонимы используются автором в художественном произведении с определенной стилистической целью. Они всегда воспринимаются как искусственные образования. Их чаще используют в сатирических, юмористических произведениях. <...> В них экспрессия усиливается за счет необычной фонетической оболочки имени, словообразовательной структуры, семантики. Роль автора в создании подобных поэтонимов приоритетна. Его возможности не могут быть ограничены какими-либо требованиями, кроме творческого замысла. Автор в подобном поэтониме пытается во всей полноте раскрыть все его потенциальные эмоционально-экспрессивные признаки» [6].

8. Среди антропонимов выявлены примеры сокращенных именованных. Нами выделено 4 способа сокращения поэтонимов с одночленной структурой:

– оним передан только заглавной буквой (княгиня *X.*, господин *P.*, барон *K.*, генеральша *Щ.*, генерал *П.*, граф *P***** и др.);

– у онима указывается начало и конечная часть имени (молодая *T...ская*, ротмистр *Ска-в*, семейство *P-х*, госпожа *Б-ва*, князь *Д...в*, граф *В-ч*, княжна *К-цкая*, пани *Ч-ч* и др.);

– оним начинается с первых букв антропонимической единицы и имеет окончание в виде знаков (*Шат...*, *Гиз...*, *Роз****, *Хмар****);

– оним имеет начало, часть основы (не смеем говорить лишь по графическому оформлению, что это середина) и конечный знак имени собственного (падежное окончание) представлены одной буквой («*Но неужели на Е...р...а тоже найдет какая-нибудь дурь?*» [7. С. 422]).

Смеем предположить, что усеченные формы однословных антропонимов выражены фамильными номинациями, о чем можно судить по денотату – генерал, барон, князь, княжна, госпожа и др.

В двусоставную группу входят поэтонимы с абсолютной или частичной сокращенной формой: госпожа *Н. Н.*, *К. Д-в*, княгиня *Т. В.*, госпожа *P... С...*, *Н*** Ив****, *П*** Н****, барышня *Елена ****, граф *Мавриций О-ский*. Определить принадлежность некоторых сокращенных антропонимов к конструкции «имя+фамилия» или «имя+отчество» не представляется возможным, так как единицы структурно построены одинаково и в тексте могут выполнять одну функцию.

Малочисленную группу составляют трехсоставные антропонимы *В. П. Жу-ский*, *Софья Павловна P**. Данные формы сокращенных единиц

в текстовом поле кавалерист-девицы малоупотребительны, как и полные модели трехчленных имен собственных.

Таким образом, структурная организация антропонимического пространства произведений Н.А. Дуровой весьма разнопланова и обладает рядом отличительных черт. Антропонимический этикет первой половины XIX века существенно отличается от современного более уважительным обращением к субъекту-адресату. Социальная дифференциация общества того времени обуславливает разграничения и в структурной организации именования людей, то есть привилегированные сословия именовались по фамилии, а низшие слои по имени, так как последние не имели фамильных форм. Писательница точно воспроизводит традиции и культуру речевого этикета того периода, что создает на страницах произведений атмосферу правдивой и реальной действительности.

Список литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика.: Учеб. пособие для студ. пед. институтов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века. – Москва: Современник, 1986. – 463 с.
3. Дурова, Н. А. Избранное / Н. А. Дурова. – М.: Сов. Россия, 1984. – 440 с.
4. Дурова, Н. А. Клад / Н. А. Дурова. – Спб: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1840. – 290 с.
5. Дурова, Н. А. Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани / Н. А. Дурова. – Елабуга: АБАК, 1999. – 200 с.
6. Зинин, С. И. Введение в поэтическую ономастику. URL: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/onomprostr.html>.
7. Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой / Н. А. Дурова. – М.: Московский рабочий, 1983. – 479 с.
8. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. 1986. – № 4. – С. 34-40.
9. Михайлов, В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и начала XIX веков, их функции и словообразования: дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Михайлов. Симферополь, 1955. – 591 с.
10. Никонов, В. А. До фамилий / В. А. Никонов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 83-93.
11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
12. Русские писатели. Библиографический словарь: В 2-х томах /

Под ред. П. А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990. – Т. 1. – 448 с.

13. Смиренский, Б. В. Надежда Дурова / Б. В. Смиренский // Записки кавалерист-девицы. Повести. – Калининград: Калининградское книжное издательство: Янтарный сказ, 1999. – С. 5-46.

14. Фантастические повести: Дурова Н.А. Ярчук собака-духовидец; Одоевский В.Ф. Саламандра; Толстой А.К. Упырь. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 320 с.